

Афанасий Фет

ТЕБЯ, ОДНУ ТЕБЯ
ЛЮБЛЮ Я И ЖЕЛАЮ!

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

Любовная лирика

Афанасий Фет

Тебя, одну тебя люблю я и желаю!

«Центрполиграф»

1850–1890

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Фет А. А.

Тебя, одну тебя люблю я и желаю! / А. А. Фет —
«Центрполиграф», 1850–1890 — (Любовная лирика)

ISBN 978-5-227-08991-5

«Поэзия Фета – сама Природа, зеркально глядящая через человеческую душу, поющая снежинками, переключкою зарниц и птиц, шумом ветра в веющих, вещих узорах листьев, протяжно поющая самым молчанием», – писал Константин Бальмонт, один из виднейших представителей русской поэзии Серебряного века об утонченном творчестве Афанасия Фета, сборник произведений которого мы предлагаем вам сегодня. Любовная лирика Фета глубока и правдива. Это и безграничный океан эмоций, и робкое волнение только зарождающихся чувств, и глубокое наслаждение близостью нашедших друг друга душ...

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-227-08991-5

© Фет А. А., 1850–1890

© Центрполиграф, 1850–1890

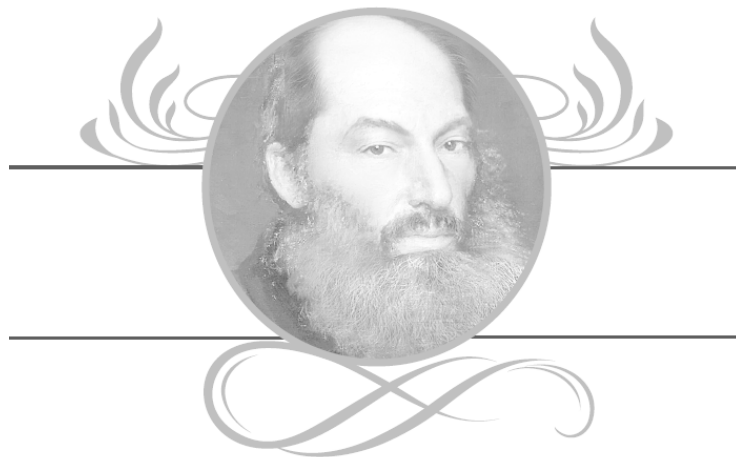
Содержание

Предисловие	7
«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...»	8
«Когда мечты мои за гранью прошлых дней...»	9
«Когда мечтательно я предан тишине...»	10
«Тебе в молчании я простираю руку...»	11
«Странное чувство какое-то в несколько дней...»	12
«Ее не знает свет, – она еще ребенок...»	13
«Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?...»	14
Старые письма	15
Осень	16
«Томительно-призывно и напрасно...»	17
Alter ego	18
«Страницы милые опять персты раскрыли...»	19
«Еще одно забывчивое слово...»	20
«Кровию сердца пишу я к тебе эти строки...»	21
«Нет, я не изменил. До старости глубокой...»	22
«В полуночной тиши бессонницы моей...»	23
«Светил нам день, будя огонь в крови...»	24
«Прости! во мгле воспоминанья...»	25
«Руку бы снова твою мне хотелось пожать!...»	26
«Хоть счастье судьбой даровано не мне...»	27
«Еще люблю, еще томлюсь...»	28
«Опавший лист дрожит от нашего движенья...»	29
«Не упрекай, что я смущаюсь...»	30
«Нет, даже не тогда, когда, стопой воздушной...»	31
«Кляните нас: нам дорога свобода...»	32
«Всё, что волшебным так манило...»	33
Восточный мотив	34
«Не здесь ли ты легкою тенью...»	35
«На заре ты ее не буди...»	36
Первый ландыш	37
Майская ночь	38
Кукушка	39
«Знаю я, что ты, малютка...»	40
«Помню я: старушка-няня...»	41
«Когда я блестящий твой локон целую...»	42
«Не отходи от меня...»	43
«Тихая, звездная ночь...»	44
«Если зимнее небо звездами горит...»	45
Фантазия	46
«Шумела полночная вьюга...»	47
«Недвижные очи, безумные очи...»	48
«Снился берег мне скалистый...»	49
«Вчера я шел по зале освещенной...»	50
«Всё вокруг и пестро так и шумно...»	51
Певице	52

«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»	53
«Забудь меня, безумец исступленный...»	54
«Как ясность безоблачной ночи...»	55
Шопену	56
«Только в мире и есть, что тенистый...»	57
«Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть...»	58
«Я тебе ничего не скажу...»	59
«Всё, как бывало, веселый, счастливый...»	60
«Не нужно, не нужно мне проблесков счастья...»	61
«Гаснет заря в забыти, в полусне...»	62
«Чужу внушенный другими ответ...»	63
Во сне	64
«Запретили тебе выходить...»	65
«Мы встретились вновь после долгой разлуки...»	66
«Люби меня! Как только твой покорный...»	67
«Друг мой, бессильны слова, – одни поцелуи...»	68
«Слышишь ли ты, как шумит вверху угловатое...»	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Афанасий Афанасьевич Фет **Тебя, одну тебя люблю я и желаю!**

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

Предисловие

Афанасий Афанасьевич Фет родился 23 ноября (5 декабря) 1820 года в усадьбе Новосёлки Мценского уезда Орловской губернии. Матерью его была немка Шарлотта Беккер, а отцом – помещик Афанасий Неофитович Шеншин, принадлежавший к столбовому дворянству. Представители фамилии Шеншиных владели половиной всего Мценского уезда. Однако родители его поженились только через два года после рождения сына, и когда Афанасию исполнилось 14 лет, у него отняли фамилию Шеншин и записали под фамилией первого мужа матери Иоганна-Петера Фёта. Произошло это потому, что выяснилось, что лютеранское благословение на брак не имело в России законной силы, а православное венчание произошло после рождения ребенка. В одночасье юноша превратился из русского наследника старинного рода в разночинца-иностранца. Это повлияло на всю его дальнейшую жизнь.

Чтобы выслужить себе дворянские права, он после окончания университета пошел в армию. Он служил в кирасирском Военного ордена полку в Херсонской губернии. Именно там в 1848 году Фет познакомился с Марией Лазич, любовь к которой пронес через всю жизнь. Они полюбили друг друга, но он был беден, а она – дочь сербского генерала и дворянка. Фет, по собственному признанию, пытался убедить ее, что не может быть счастливого брака, когда оба не имеют достатка: «Я ясно понимаю, что жениться офицеру, получающему 300 руб., без дому, на девушке без состояния значит необдуманно и недобросовестно брать на себя клятвенное обещание, которого не в состоянии выполнить». Через два года Мария трагически погибла – свеча подпалила ее кисейное домашнее платье.

Во время учёбы начал печататься в журналах. Первый его сборник стихов вышел в 1840 году. Потом были еще несколько, причем третий сборник редактировал И.С. Тургенев.

В 1857 году Фет женился на Марии Петровне Боткиной, сестре критика В.П. Боткина.

В 1858 году вышел в отставку в чине гвардейского штабс-ротмистра и поселился в Москве. 13-летняя военная служба дворянства ему не принесла. В 1860 году на средства приданого жены Фет купил имение Степановка в Мценском уезде Орловской губернии и стал вполне успешным помещиком. В 1867 году он был избран мировым судьёй на 11 лет. И только в 1873 году ему были возвращены родовая фамилия и дворянство: «По высочайшему указу 26 декабря 1873 года была наконец утверждена за Афанасием Афанасьевичем отцовская фамилия Шеншин, со всеми связанными с нею правами». Однако литературные произведения и переводы поэт и в дальнейшем подписывал фамилией Фет (буква *ѣ* со временем превратилась в *е*). В 1877 году Фет продал Степановку и купил имение Воробьёвку в Курской губернии.

Кроме стихов, Фет занимался и переводами, причем как с европейских языков, так и с древних. Есть у него и проза – две книги воспоминаний.

«О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной...»

О, долго буду я, в молчаньи ночи тайной,
Коварный лепет твой, улыбку, взор случайный,
Перстам послушную волос густую прядь
Из мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, один, никем не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
В словах, которые произносила ты;
Шептать и поправлять былые выраженья
Речей моих с тобой, исполненных смущенья,
И в опьянении, наперекор уму,
Заветным именем будить ночную мглу.

«Когда мечты мои за гранью прошлых дней...»

Когда мечты мои за гранью прошлых дней
Найдут тебя опять за дымкою туманной,
Я плачу сладостно, как первый иудей
На рубеже земли обетованной.

Не жаль мне детских игр, не жаль мне тихих
снов,
Тобой так сладостно и больно возмущенных
В те дни, как постигал я первую любовь
По бунту чувств неугомонных,

По сжатию руки, по отблеску очей,
Сопровождаемый то вздохами, то смехом,
По ропоту простых, незначащих речей,
Лишь там звучащих страсти эхом.

«Когда мечтательно я предан тишине...»

Когда мечтательно я предан тишине
И вижу кроткую царицу ясной ночи,
Когда созвездия заблещут в вышине
И сном у Аргуса начнут смыкаться очи,

И близок час уже, условленный тобой,
И ожидание с минутой возрастает,
И я стою уже безумный и немой,
И каждый звук ночной смущенного пугает;

И нетерпение сосет больную грудь,
И ты идешь одна, украдкой, озираясь,
И я спешу в лицо прекрасное взглянуть,
И вижу ясное, – и тихо улыбаюсь,

Ты на слова любви мне говоришь «люблю!»,
А я бессвязные связать стараюсь речи,
Дыханьем пламенным дыхание ловлю,
Целую волоса душистые и плечи,

И долго слушаю, как ты молчишь, – и мне
Ты предаешься вся для страстного лобзанья, —
О друг, как счастлив я, как счастлив я вполне!
Как жить мне хочется до нового свиданья!

«Тебе в молчании я простираю руку...»

Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.
Ты втайне поняла души смешную муку,
Усталых прихотей ты разгадала скуку;
Мы вместе – и судьбе я молча предаюсь.

Без клятв и клеветы ребячески-невинной
Сказала жизнь за нас последний приговор.
Мы оба молоды, но с радостью старинной
Люблю на локон твой засматриваться длинный;
Люблю безмолвных уст и взоров разговор.

Как в дни безумные, как в пламенные годы,
Мне жизни мировой святыня дорога;
Люблю безмолвие полунощной природы,
Люблю ее лесов лепечущие своды,
Люблю ее степей алмазные снега.

И снова мне легко, когда, святому звуку
Внимая не один, я заживо делюсь;
Когда, за честный бой с тенями взяв поруку,
Тебе в молчании я простираю руку
И детских укоризн в грядущем не страшусь.

«Ее не знает свет, – она еще ребенок...»

Ее не знает свет, – она еще ребенок;
Но очерк головы у ней так чист и тонок,
И столько томности во взгляде кротких глаз,
Что детства мирного последний близок час.
Дохнет тепло любви – младенческое око
Лазурным пламенем засветится глубоко,
И гребень, ласково-разборчив, будто сам
Пойдет медлительней по пышным волосам,
Персты румяные, бледнея, подлиннеют...
Блажен, кто замечал, как постепенно зреют
Златые гроздия, и знал, что виноград
Сбирая, он вопьет их сладкий аромат!

«Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?...»

Не спится. Дай зажгу свечу. К чему читать?
Ведь снова не пойму я ни одной страницы —
И яркий белый свет начнет в глазах мелькать,
И ложных призраков заблещут вереницы.

За что ж? Что сделал я? Чем грешен пред тобой?
Ужели помысел мне должен быть укором,
Что так язвительно смеется призрак твой
И смотрит на меня таким тяжелым взором?

Старые письма

Давно забытые, под легким слоем пыли,
Черты заветные, вы вновь передо мной
И в час душевных мук мгновенно воскресили
Всё, что давно-давно утрачено душой.

Горя огнем стыда, опять встречаются взоры
Одну доверчивость, надежду и любовь,
И задушевных слов поблекшие узоры
От сердца моего к ланитам гонят кровь.

Я вами осужден, свидетели немые
Весны души моей и сумрачной зимы.
Вы те же светлые, святые, молодые,
Как в тот ужасный час, когда прощались мы.

А я доверился предательскому звуку —
Как будто вне любви есть в мире что-нибудь! —
Я дерзко оттолкнул писавшую вас руку,
Я осудил себя на вечную разлуку
И с холодом в груди пустился в дальний путь.

Зачем же с прежнею улыбкой умиления
Шептать мне о любви, глядеть в мои глаза?
Души не воскресит и голос всепрощенья,
Не смоет этих строк и жгучая слеза.

Осень

Как грустны сумрачные дни
Беззвучной осени и хладной!
Какой истомой безотрадной
К нам в душу просятся они!

Но есть и дни, когда в крови
Золотолиственных уборов
Горящих осень ищет взоров
И знойных прихотей любви.

Молчит стыдливая печаль,
Лишь вызывающее слышно,
И, замирающей так пышно,
Ей ничего уже не жаль.

«Томительно-призывно и напрасно...»

Томительно-призывно и напрасно
Твой чистый луч передо мной горел;
Немой восторг будил он самовластно,
Но сумрака кругом не одолел.

Пускай клянут, волнуясь и споря,
Пусть говорят: то бред души больной;
Но я иду по шаткой пене моря
Отважною, нетонущей ногой.

Я пронесу твой свет чрез жизнь земную;
Он мой – и с ним двойное бытие
Вручила ты, и я – я торжествую
Хотя на миг бессмертие твое.

Alter ego

Как лилея глядится в нагорный ручей,
Ты стояла над первою песней моей,
И была ли при этом победа, и чья, —
У ручья ль от цветка, у цветка ль от ручья?

Ты душою младенческой всё поняла,
Что мне высказать тайная сила дала,
И хоть жизнь без тебя суждено мне влачить,
Но мы вместе с тобой, нас нельзя разлучить.

Та трава, что вдали на могиле твоей,
Здесь на сердце, чем старе оно, тем свежей,
И я знаю, взглянувши на звезды порой,
Что взирали на них мы как боги с тобой.

У любви есть слова, те слова не умрут.
Нас с тобой ожидает особенный суд;
Он сумеет нас сразу в толпе различить,
И мы вместе придем, нас нельзя разлучить!

«Страницы милые опять персты раскрыли...»

Страницы милые опять персты раскрыли;
Я снова умилен и трепетать готов,
Чтоб ветер иль рука чужая не сронили
Засохших, одному мне ведомых цветов.

О, как ничтожно всё! От жертвы жизни целой,
От этих пылких жертв и подвигов святых —
Лишь тайная тоска в душе осиротелой
Да тени бледные у лепестков сухих.

Но ими дорожит мое воспоминанье;
Без них всё прошлое – один жестокий бред,
Без них – один укор, без них – одно терзанье,
И нет прощенья, и примиренья нет!

«Еще одно забывчивое слово...»

Еще одно забывчивое слово,
Еще один случайный полувздох —
И тосковать я сердцем стану снова,
И буду я опять у этих ног.

Душа дрожит, готова вспыхнуть чище,
Хотя давно угас весенний день
И при луне на жизненном кладбище
Страшна и ночь, и собственная тень.

«Кровию сердца пишу я к тебе эти строки...»

Кровию сердца пишу я к тебе эти строки,
Видно, разлуки обоим несносны уроки,
Видно, больному напрасно к свободе стремиться,
Видно, к давно прожитому нельзя воротиться,
Видно, во всём, что питало горячку недуга,
Легче и слаще вблизи упрекать нам друг друга.

«Нет, я не изменил. До старости глубокой...»

Нет, я не изменил. До старости глубокой
Я тот же преданный, я раб твоей любви,
И старый яд цепей, отрадный и жестокой,
Еще горит в моей крови.

Хоть память и твердит, что между нас могила,
Хоть каждый день бреду томительно к другой, —
Не в силах верить я, чтоб ты меня забыла,
Когда ты здесь, передо мной.

Мелькнет ли красота иная на мгновенье,
Мне чудится, вот-вот, тебя я узнаю;
И нежности былой я слышу дуновенье,
И, содрогаясь, я пою.

«В полуночной тиши бессонницы моей...»

В полуночной тиши бессонницы моей
Встают пред напряженным взором
Былые божества, кумиры прежних дней,
С их вызывающим укором.

И снова я люблю, и снова я любим,
Несусь вослед мечтам любимым,
А сердце грешное томит меня своим
Неправосудьем нестерпимым.

Богини предо мной, давнишние друзья,
То соблазнительны, то строги,
Но тщетно алтарей ищущ пред ними я:
Они – развенчанные боги.

Пред ними сердце вновь в тревоге и в огне,
Но пламень тот с былым несхожий;
Как будто, смертному потворствуя, оне
Сошли с божественных подножий.

И лишь надменные, назло живой мечте,
Не зная милости и битвы,
Стоят владычицы на прежней высоте
Под шепот презренной молитвы.

Их снова ищет взор из-под усталых век,
Мольба к ним тщетная стремится,
И прежний фимиам несбыточных надежд
У ног их всё еще дымится.

«Светил нам день, будя огонь в крови...»

Светил нам день, будя огонь в крови...
Прекрасная, восторгов ты искала
И о своей несбыточной любви
Младенчески мне тайны поверяла.

Как мог, слепец, я не видать тогда,
Что жизни ночь над нами лишь сгустится,
Твоя душа, красы твоей звезда,
Передо мной, умчавшись, загорится,

И, разлучась навеки, мы пойдем,
Что счастья взрыв мы промолчали оба
И что вздыхать обоим нам по нем,
Хоть будем врознь стоять у двери гроба.

«Прости! во мгле воспоминанья...»

Прости! во мгле воспоминанья
Всё вечер помню я один, —
Тебя одну среди молчанья
И твой пылающий камин.

Глядя в огонь, я забывался,
Волшебный круг меня томил,
И чем-то горьким отзывался
Избыток счастья и сил.

Что за раздумие у цели?
Куда безумство завлекло?
В какие дебри и метели
Я уносил твое тепло?

Где ты? Ужель, ошеломленный,
Кругом не видя ничего,
Застывший, выюгой убеленный,
Стучусь у сердца твоего?..

«Руку бы снова твою мне хотелось пожать!...»

Руку бы снова твою мне хотелось пожать!
Прежнего счастья, конечно, уже не видать,
Но и под старость отрадно очами недуга
Вновь увидеть неизменно прекрасного друга.

В голой аллее, где лист под ногами шумит,
Как-то пугливо и сладостно сердце щемит,
Если стопам попить довелось устало
То, что когда-то так много блаженства скрывало.

«Хоть счастье судьбой даровано не мне...»

Хоть счастье судьбой даровано не мне,
Зачем об этом так напоминать небрежно?
Как будто бы нельзя в больном и сладком сне
Дозволить мне любить вас пламенно и нежно.

Хотя б признался я в безумиях своих,
Что стоит робкого вам не пугать признанья?
Что стоит шелк ресниц склонить вам в этот миг,
Чтоб не блеснул в очах огонь негодованья?

Участья не прошу – могла б и ваша грусть,
Хотя б притворная, родить во мне отвагу,
И, издали молясь, поэт-безумец пусть
Прекрасный образ ваш набросит на бумагу.

«Еще люблю, еще томлюсь...»

Еще люблю, еще томлюсь
Перед всемирной красотой
И ни за что не отрекусь
От ласк, ниспосланных тобою.

Покуда на груди земной
Хотя с трудом дышать я буду,
Весь трепет жизни молодой
Мне будет внятн отовсюду.

Покорны солнечным лучам,
Так сходят корни в глубь могилы
И там у смерти ищут силы
Бежать навстречу вешним дням.

«Опавший лист дрожит от нашего движенья...»

Опавший лист дрожит от нашего движенья,
Но зелени еще свежа над нами тень,
А что-то говорит средь радости сближенья,
Что этот желтый лист – наш следующий день.

Как ненасытны мы и как несправедливы:
Всю радость явную неверный гонит страх!
Еще так ласковы волос твоих извивы!
Какой живет восторг на блекнувших устах!

Идем. Надолго ли еще не разлучаться,
Надолго ли дышать отрадою? Как знать!
Пора за будущность заране не пугаться,
Пора о счастье учиться вспоминать.

«Не упрекай, что я смущаюсь...»

Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее принес
И пред тобою содрогаюсь
Под дуновеньем прежних грез.

Те грезы – жизнь их осудила —
То прах давнишних алтарей;
Но их победным возмутила
Движеньем ты стопы своей.

Уже мерцает свет, готовый
Всё озарить, всему помочь,
И, согреваясь жизнью новой,
Росою счастья плачет ночь.

«Нет, даже не тогда, когда, стопой воздушной...»

Нет, даже не тогда, когда, стопой воздушной
Спеша навстречу мне, улыбку ты даришь
И, заглянув в глаза, мечте моей послушной
О беззаветности надежды говоришь, —

Нет, чтобы счастью неожиданному отдаться,
Чтобы исчезнуть в нем, спускаясь до дна,
Мне нужно одному с душой своей остаться,
Молчанье нужно мне кругом и тишина.

Тут сердца говорит мне каждое биенье
Про всё, чем радостной обязан я судьбе,
А тихая слеза блаженства и томленья,
Скатясь жемчужиной, напомнит о тебе.

«Кляните нас: нам дорога свобода...»

Кляните нас: нам дорога свобода,
И буйствует не разум в нас, а кровь,
В нас вопиет всеильная природа,
И прославлять мы будем век любовь.

В пример себе певцов весенних ставим:
Какой восторг – так говорить уметь!
Как мы живем, так мы поем и славим,
И так живем, что нам нельзя не петь!

«Всё, что волшебнo так манило...»

Всё, что волшебнo так манило,
Из-за чего весь век жилось,
Со днями зимними остыло
И непробудно улеглось.

Нет ни надежд, ни сил для битвы —
Лишь, посреди ничтожных смут,
Как гордость дум, как храм молитвы,
Страданья в прошлом восстают.

Восточный мотив

С чем нас сравнить с тобою, друг прелестный?
Мы два конька, скользящих по реке,
Мы два гребца на утлом челноке,
Мы два зерна в одной скорлупке тесной,
Мы две пчелы на жизненном цветке,
Мы две звезды на высоте небесной.

«Не здесь ли ты легкою тенью...»

Не здесь ли ты легкою тенью,
Мой гений, мой ангел, мой друг,
Беседуешь тихо со мною
И тихо летаешь вокруг?

И робким даришь вдохновеньем,
И сладкий врачуешь недуг,
И тихим даришь сновиденьем,
Мой гений, мой ангел, мой друг...

«На заре ты ее не буди...»

На заре ты ее не буди,
На заре она сладко так спит;
Утро дышит у ней на груди,
Ярко пышет на ямках ланит.

И подушка ее горяча,
И горяч утомительный сон,
И, чернеясь, бегут на плеча
Косы лентой с обеих сторон.

А вчера у окна ввечеру
Долго-долго сидела она
И следила по тучам игру,
Что, скользя, затевала луна.

И чем ярче играла луна,
И чем громче свистал соловей,
Всё бледней становилась она,
Сердце билось больней и больней.

Оттого-то на юной груди,
На ланитах так утро горит.
Не буди ж ты ее, не буди...
На заре она сладко так спит!

Первый ландыш

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!

Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!

Так дева в первый раз вздыхает —
О чем – неясно ей самой, —
И робкий вздох благоухает
Избытком жизни молодой.

Майская ночь

Отсталых туч над нами пролетает
Последняя толпа.
Прозрачный их отрезок мягко тает
У лунного серпа.

Царит весны таинственная сила
С звездами на челе. —
Ты, нежная! Ты счастье мне сулила
На суетной земле.

А счастье где? Не здесь, в среде убогой,
А вон оно – как дым.
За ним! за ним! воздушною дорогой —
И в вечность улетим!

Кукушка

Пышные гнутся макушки,
Млея в весеннем соку;
Где-то вдали от опушки
Будто бы слышно: ку-ку.

Сердце! – вот утро – люби же
Всё, чем жило на веку;
Слышится ближе и ближе,
Как золотое, – ку-ку.

Или кто вспомнил утраты,
Вешнюю вспомнил тоску?
И раздаётся трикраты
Ясно и томно: ку-ку.

«Знаю я, что ты, малютка...»

Знаю я, что ты, малютка,
Лунной ночью не робка:
Я на снеге вижу утром
Легкий отгиск башмачка.

Правда, ночь при свете лунном
Холодна, тиха, ясна;
Правда, ты недаром, друг мой,
Покидаешь ложе сна:

Бриллианты в свете лунном,
Бриллианты в небесах,
Бриллианты на деревьях,
Бриллианты на снегах.

Но боюсь я, друг мой милый,
Как бы в вихре дух ночной
Не завеял бы тропинку,
Проложенную тобой.

«Помню я: старушка-няня...»

Помню я: старушка-няня
Мне в рождественской ночи
Про судьбу мою гадала
При мерцании свечи,

И на картах выходили
Интересы да почет.
Няня, няня! ты ошиблась,
Обманул тебя расчет;

Но зато я так влюбился,
Что приходится невмочь...
Погодай мне, друг мой няня,
Нынче святочная ночь.

Что, – не будет ли свиданья,
Разговоров иль письма?
Выйдет пиковая дама
Иль бубновая сама?

Няня добрая гадает,
Грустно голову склоня;
Свечка тихо нагорает,
Сердце бьется у меня.

«Не отходи от меня...»

Не отходи от меня,
Друг мой, останься со мной!
Не отходи от меня:
Мне так отратно с тобой...

Ближе друг к другу, чем мы, —
Ближе нельзя нам и быть;
Чище, живее, сильней
Мы не умеем любить.

Если же ты – предо мной,
Грустно головку склоня, —
Мне так отратно с тобой:
Не отходи от меня!

«Тихая, звездная ночь...»

Тихая, звездная ночь,
Трепетно светит луна;
Сладки уста красоты
В тихую, звездную ночь.

Друг мой! в сияньи ночном
Как мне печаль превозмочь?..
Ты же светла, как любовь,
В тихую, звездную ночь.

Друг мой, я звезды люблю —
И от печали не прочь...
Ты же еще мне милей
В тихую, звездную ночь.

Фантазия

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

Что ж молчим мы? Или самовластно
Царство тихой, светлой ночи мая?
Иль поет и ярко так и страстно
Соловей, над розой изнывая?

Иль проснулись птички за кустами,
Там, где ветер колыхал их гнезды,
И, дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе к нам нисходят звезды?

На суку извилистом и чудном,
Пестрых сказок пышная жилица,
Вся в огне, в сияньи изумрудном,
Над водой качается жар-птица;

Расписные раковины блещут
В переливах чудной позолоты,
До луны жемчужной пеной мещут
И алмазной пылью водометы.

Листья полны светлых насекомых,
Всё растет и рвется вон из меры,
Много снов проносится знакомых,
И на сердце много сладкой веры.

Переходят радужные краски,
Раздражая око светом ложным;
Миг еще – и нет волшебной сказки,
И душа опять полна возможным.

Мы одни; из сада в стекла окон
Светит месяц... тусклы наши свечи;
Твой душистый, твой послушный локон,
Развиваясь, падает на плечи.

«Шумела полночная вьюга...»

Шумела полночная вьюга
В лесной и глухой стороне.
Мы сели с ней друг подле друга.
Валежник свистал на огне.

И наших двух теней громады
Лежали на красном полу,
А в сердце – ни искры отрады,
И нечем прогнать эту мглу!

Березы скрипят за стеною,
Сук еле трещит смоляной...
О друг мой, скажи, что с тобою?
Я знаю давно, что со мной!

«Недвижные очи, безумные очи...»

Недвижные очи, безумные очи,
Зачем вы среди дня и в часы полуночи
Так жадно вперяетесь вдаль?
Ужели вы в том потонули минувшем,
Давно и мгновенно пред вами мелькнувшем,
Которого сердцу так жаль?

Не высмотреть вам, чего нет и что было,
Что сердце, тоскуя, в себе схоронило
На самое темное дно;
Не вам допросить у случайности жадной,
Куда она скрyla рукой беспощадной,
Что было так щедро дано!

«Снился берег мне скалистый...»

Снился берег мне скалистый,
Море спало под луною,
Как ребенок дремлет чистый, —
И по нем скользя с тобою,
В дым прозрачный и волнистый
Шли алмазной мы стезею.

«Вчера я шел по зале освещенной...»

Вчера я шел по зале освещенной,
Где так давно встречались мы с тобой.
Ты здесь опять! Безмолвный и смущенный,
Невольно я поникнул головой.

И в темноте тревожного сознания
Былые дни я различил едва,
Когда шептал безумные желанья
И говорил безумные слова.

Знакомыми напевами томимый,
Стою. В глазах движенье и цветы —
И кажется, летя под звук любимый,
Ты прошептала кротко: «Что же ты?»

И звуки те ж, и те ж благоуханья,
И чувствую – пылает голова,
И я шепчу безумные желанья
И лепечу безумные слова.

«Всё вокруг и пестро так и шумно...»

Всё вокруг и пестро так и шумно,
Но напрасно толпа весела:
Без тебя я тоскую безумно,
Ты улыбку мою унесла.

Только изредка, поздней порою,
После скучного, тяжкого дня,
Нежный лик твой встает предо мною,
И ему улыбаюсь я.

Певице

Уноси мое сердце в звенящую даль,
Где как месяц за рощей печаль;
В этих звуках на жаркие слезы твои
Кротко светит улыбка любви.

О дитя! как легко средь незримых зыбей
Доверяться мне песне твоей:
Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом...

Вдалеке замирает твой голос, горя,
Словно за морем ночью заря, —
И откуда-то вдруг, я понять не могу,
Грянет звонкий прилив жемчугу.

Уноси ж мое сердце в звенящую даль,
Где кротка, как улыбка, печаль,
И всё выше помчусь серебристым путем
Я, как шаткая тень за крылом.

«Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...»

Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали
Лучи у наших ног в гостиной без огней,
Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали,
Как и сердца у нас за песню твоей.

Ты пела до зари, в слезах изнемогая,
Что ты одна – любовь, что нет любви иной,
И так хотелось жить, чтоб, звуки не роняя,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой.

И много лет прошло, томительных и скучных,
И вот в тиши ночной твой голос слышу вновь,
И веет, как тогда, во вздохах этих звучных,
Что ты одна – вся жизнь, что ты одна – любовь.

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только веровать в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

«Забудь меня, безумец исступленный...»

Забудь меня, безумец исступленный,
Покоя не губи.
Я создана душой твоей влюбленной,
Ты призрак не люби!

О, верь и знай, мечтатель малодушный,
Что, мучась и стня,
Чем ближе ты к мечте своей воздушной,
Тем дальше от меня.

Так над водой младенец, восхищенный
Луной, подъемлет крик;
Он бросился – и с влаги возмущенной
Исчез серебристый лик.

Дитя, отри заплаканное око,
Не доверяй мечтам.
Луна плывет и светится высоко,
Она не здесь, а там.

«Как ясность безоблачной ночи...»

Как ясность безоблачной ночи,
Как юно-нетленные звезды,
Твои загораются очи
Всесильным, таинственным счастьем.

И всё, что лучом их случайным
Далеко иль близко объято,
Блаженством овеяно тайным —
И люди, и звери, и скалы.

Лишь мне, молодая царица,
Ни счастья нет, ни покоя,
И в сердце, как пленная птица,
Томится бескрылая песня.

Шопену

Ты мелькнула, ты предстала,
Снова сердце задрожало,
Под чарующие звуки
То же счастье, те же муки,
Слышу трепетные руки —
Ты еще со мной!

Час блаженный, час печальный,
Час последний, час прощальный,
Те же легкие одежды,
Ты стоишь, склоняя вежды, —
И не нужно мне надежды:
Этот час – он мой!

Ты руки моей коснулась,
Разом сердце встрепенулось;
Не туда, в то горе злое,
Я несусь в мое былое, —
Я на всё, на всё иное
Отпылал, потух!

Этой песне чудотворной
Так покорен мир упорный;
Пусть же сердце, полно муки,
Торжествует час разлуки,
И когда загаснут звуки —
Разорвется вдруг!

«Только в мире и есть, что тенистый...»

Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор.

«Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть...»

Что за звук в полумраке вечернем? Бог весть, —
То кулик простонал или сыч.
Расставанье в нем есть, и страданье в нем есть,
И далекий неведомый клич.

Точно грезы больные бессонных ночей
В этом плачущем звуке слиты, —
И не нужно речей, ни огней, ни очей —
Мне дыхание скажет, где ты.

«Я тебе ничего не скажу...»

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.

Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы
И я слышу, как сердце цветет.

И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу.

«Всё, как бывало, веселый, счастливый...»

Всё, как бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы,
Млеющих звуков впивая истому;
Пусть ты летишь, отдаваясь другому.

Пусть пронеслась ты надменно, небрежно,
Сердце мое всё по-прежнему нежно,
Сердце обид не считает, не мерит,
Сердце по-прежнему любит и верит.

Тщетно опущены строгие глазки,
Жду под ресницами блеска и ласки, —
Всё, как бывало, веселый, счастливый,
Ленты твоей уловляю извивы.

«Не нужно, не нужно мне проблесков счастья...»

Не нужно, не нужно мне проблесков счастья,
Не нужно мне слова и взора участия,
Оставь и дозвожь мне рыдать!
К горячему снова прильнув изголовью,
Позволь мне моей нераздельной любовью,
Забыв всё на свете, дышать!

Когда бы ты знала, каким сиротливым,
Томительно-сладким, безумно-счастливым
Я горем в душе опьянен, —
Безмолвно прошла б ты воздушной стопою,
Чтоб даже своей благовонной стезею
Больной не смутила мой сон.

Не так ли, чуть роща одеться готова,
В весенние ночи, — светила дневного
Бойтся крылатый певец? —
И только что сумрак разгонит денница,
Смолкает зарей отрезвленная птица, —
И счастью и песне конец.

«Гаснет заря в забыты, в полусне...»

Гаснет заря в забыты, в полусне.
Что-то неясное шепчешь ты мне;
Ласки твои я расслушать хочу, —
«Знаю, ах, знаю», — тебе я шепчу.

В блеске, в румянном разливе огня
Ты потонула, ушла от меня;
Я же, напрасной истомой горя, —
Летняя вслед за тобою заря.

Сладко сегодня тобой мне сгорать,
Сладко, летя за тобой, замирать...
Завтра, когда ты очнешься иной,
Свет не допустит меня за тобой.

«**Чуя внушенный другими ответ...»**»

Чуя внушенный другими ответ,
Тихий в глазах прочитал я запрет,
Но мне понятней еще говорит
Этот правдивый румянец ланит,
Этот цветов обмирающих зов,
Этот теней набегающий кров,
Этот предательский шепот ручья,
Этот рассыпчатый клич соловья.

«Запретили тебе выходить...»

Запретили тебе выходить,
Запретили и мне приближаться,
Запретили, должны мы признаться,
Нам с тобою друг друга любить.

Но чего нам нельзя запретить,
Что с запретом всего несовместней —
Это песня с крылатою песней
Будем вечно и явно любить.

«Мы встретились вновь после долгой разлуки...»

Мы встретились вновь после долгой разлуки,
Очнувшись от тяжкой зимы;
Мы жали друг другу холодные руки
И плакали, плакали мы.

Но в крепких незримых оковах сумели
Держать нас людские умы;
Как часто в глаза мы друг другу глядели
И плакали, плакали мы!

Но вот засветилось над черною тучей
И глянуло солнце из тьмы;
Весна, – мы сидели под ивой плакучей
И плакали, плакали мы!

«Люби меня! Как только твой покорный...»

Люби меня! Как только твой покорный
Я встречу взор,
У ног твоих раскину я узорный
Живой ковер.

Окрылены неведомым стремленьем,
Над всем земным
В каком огне, с каким самозабвеньем
Мы полетим!

И, просияв в лазури сновиденья,
Предстанешь ты
Царить навек в дыханьи песнопенья
И красоты.

«Слышишь ли ты, как шумитверху угловатое...»

Слышишь ли ты, как шумитверху угловатое

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.